
Александр
Гарцев
Передел
18+

Александр Гарцев

Передел

«Автор»
2026

Гарцев А.

Передел / А. Гарцев — «Автор», 2026

Конец 80-х. Андрей Савельев, амбициозный инженер-технолог с Урала, приезжает в захолустный поселок Зареченский, чтобы поднимать завод «Прогресс». Он верит в чертежи, инструкции и гласность. Перестройка дает ему шанс. Из инженера он превращается в политика, возглавив поселковую думу. Но демократия в провинции оказывается лишь ширмой для передела собственности. За излишнюю честность Андрей платит тремя сутками в ИВС, где по сфабрикованному делу ломается его вера в справедливость. «Передел» — это безжалостная анатомия эпохи, в которой выживает не самый сильный, а самый гибкий. Это история о том, как один человек проходит путь от технолога до диктатора районного масштаба, чтобы в финале понять: победив систему, он сам стал ее самым воплощением.Жанр: Психологическая проза, криминальная драма, производственный роман, реконструкция эпохи.

© Гарцев А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шестеренки и спирт 5
Глава 2. Трибуна у гроба 8
Глава 3. Собрание в красном уголке 10
Глава 4. Председатель 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Александр Гарцев
Передел

Глава 1. Шестеренки и спирт

Глухая ночь на «Прогрессе» пахла горелой окалиной, застарелым мужским потом и сладковатым, аптечным духом технического спирта. Под сводами сборочного цеха, напоминающего внутренности выброшенного на берег левиафана, грохотали прессы. Синяя лампа дежурного освещения выхватывала из темноты горы металлической стружки, похожие на братские могилы, и лоснящиеся от масла спины рабочих.

Андрей Савельев, вцепившись в свои кальки и ведомость замены оснастки, пробирался вдоль конвейерной линии. Его начищенные по случаю первой самостоятельной смены ботинки скользили по жирному бетону. Ему было двадцать четыре, он приехал с холодного, продуваемого всеми ветрами Урала, и в его дипломе технолога машиностроения еще жила вера в то, что чертеж — это закон, а ГОСТ — святыня.

— Савельев! — рявкнули из-под поднятого капота немецкого обрабатывающего центра. — Ты чего тут бумажками трясешь? Не видишь, мы горим?

Из-под станка на четвереньках выбрался мастер участка — дядя Миша. От него несло так, что Андрей инстинктивно сделал шаг назад. Лицо мастера было багровым, а глаза блестели нездоровым, стеклянным блеском. В руке он сжимал литровую банку «Раствора гидролизного спирта этилового технического», на дне которой еще плескалось граммов двести.

— Гидравлику клинит, сопляк, — икнул дядя Миша, пытаясь подняться. — Протереть надо. Для лучшего скольжения. У нас, знаешь ли, трение металла о металл не предусмотрено пятилеткой.

— Это коробка скоростей, Михаил Иваныч, — голос Андрея предательски дрогнул, но он взял себя в руки. — Там масло «Индустриальное-20». По техпроцессу. Вы сейчас спирт в планетарный редуктор зальете. Он же гигроскопичный, воду из воздуха тянет. Коррозия, эмульсия...

— Ты мне тут лекцию читай, — мастер перехватил банку поудобнее. — У меня план горит. Смена кончается. Лей давай.

Андрей перехватил его руку. Это было безумие — хватать за рукав человека, который вдвое шире тебя в плечах и держит в руках банку с драгоценной жидкостью в стране тотального дефицита.

— Не положено, — тихо, но твердо сказал Андрей.

Дядя Миша замер. Цех вокруг них продолжал жить своей адской жизнью: визжали фрезы, лязгала сталь, кто-то матерился у мостового крана. Но в их маленьком углу повисла тяжелая тишина. Мастер медленно повернул голову. Его взгляд перестал быть стеклянным, в нем зажглась тяжелая, черная злоба.

— Ах ты ж фраер городской, — прошипел он. — Понаедут с дипломами... Умный, да? А то, что у меня бригада без премии останется, потому что мы этот узел до утра не сдадим — тебе по херу?

Он дернул рукой, пытаясь высвободить банку. Андрей не отпустил. Он чувствовал, как дрожат его собственные пальцы, но в голове стучала одна мысль: *Я — технолог. Я отвечаю за этот узел. Если он сгорит, меня сделают крайним.*

— Я составлю акт о нарушении технологической дисциплины, — сказал Андрей, глядя куда-то в переносицу мастера. — И докладную на имя директора. О нецелевом расходовании материальных ценностей.

Дядя Миша сплюнул тягучую слюну прямо на бетон, у ног Андрея.

— Ну, составляй, сучонок, — выдохнул он и, резко отпустив банку, пошел прочь, в темноту, в сторону курилки, где его ждали такие же, как он, пропитые и уставшие мужики.

Андрей остался один. Банка со спиртом сиротливо стояла у станка. Руки всё еще дрожали. Он достал из кожаной папки бланк «Акта о поломке оборудования» — страшную, серую бумагу с грозной шапкой завода. Ручка не писала. Он долго дул на замерзший шарик стержня, пока не появилась синяя клякса.

«В 02:15 в ходе плановой замены оснастки мастером участка Михеевым М.И. была предпринята попытка внесения в картер планетарного редуктора станка ОФ-55 не предусмотренного смазочными картами вещества (спирт этиловый)», — писал он, и буквы казались ему печатями, вбиваемыми в крышку гроба его карьеры.

Он расписался. Поставил дату. И пошел в сторону ярко освещенного, теплого нутра директорского корпуса, чувствуя, как за спиной смыкается холодная, ненавидящая темнота цеха.

*

В приемной пахло кофе и валерьянкой. Секретарша Верочка, крашеная блондинка с начесом, посмотрела на Андрея так, словно он принес в кабинет дохлую крысу.

— К директору? — пискнула она. — У него Хрустов. И главный инженер. Злые, как собаки.

— У меня по производственной необходимости, — отрезал Андрей и, не дожидаясь ответа, толкнул тяжелую дубовую дверь.

В кабинете директора пахло бедой. Дым от «Беломора» стоял слоями. Директор завода, Петр Аркадьевич, грузный мужчина с лицом цвета сырого теста, сидел, обхватив голову руками. Напротив него, закинув ногу на ногу, сидел Валентин Эдуардович Кротов.

Кротов был одет в импортный вельвет, который стоил три месячных зарплаты Андрея. Он медленно протирал свои золотые очки белоснежным платком. Увидев Андрея, он не улыбнулся, но уголок его тонкого рта едва заметно дернулся вверх.

— А вот и наш принципиальный товарищ, — неожиданно бодрым голосом произнес директор, поднимая красные глаза. — Савельев, заходи. Садись.

Андрей сел на краешек стула для посетителей, всё еще сжимая в руке папку с актом. Он приготовился к обороне. Сейчас его будут рвать. Главный инженер уже открыл рот, чтобы начать разнос.

— Молодец, Савельев, — вдруг сказал директор, хлопнув ладонью по столу. — Вот. Читайте, товарищи.

Он подвинул к инженеру и Кротову лист бумаги. Это была копия того самого акта, который Андрей только что заполнил. Но поверх него лежала телетайпограмма из главка: «В связи с систематическим невыполнением плана по номенклатуре, на виновных лиц возложить персональную ответственность. Показать пример борьбы за качество».

— Дядя Миша твой, Михаил Иваныч, — директор ткнул прокуренным пальцем в акт, — он, конечно, фронтовик и человек уважаемый. Но пить на рабочем месте — это, товарищи, перестройка нам такого не простит. Мы его по статье. По волчьему билету. А план... план мы на тебя, Савельев, спишем.

Андрей похолодел.

— Как на меня? — выдавил он.

— А так. Ты у нас технолог? Технолог. Ты за этот узел головой отвечаешь. То, что ты проявил бдительность и не дал разгильдяям угробить социалистическую собственность — это тебе в плюс. Мы это в многотиражку дадим. «Молодой специалист встал на пути пьянства». А то, что узел стоит — это твоя недоработка. Не обеспечил контроль. Так что, товарищ Саве-

льев, бери свои чертежи и до утра чтобы станок дышал. Лично. Бригада тебе в помощь. Людей Кротов выделит.

Кротов наконец надел очки. Его глаза за стеклами были похожи на двух блестящих жуков. Он смотрел на Андрея без злобы, с исследовательским интересом. Как ученый смотрит на новую бактерию в микроскоп.

— Конечно, выделим, Петр Аркадьевич, — вкрадчиво произнес Кротов. — И людей выделим, и... спирт для протирки оптики на ваши чертежи выделим. Настоящий, из закромов. А то у вас, я смотрю, руки после общения с народом трясутся.

Андрей посмотрел на свои ладони. Они действительно ходили ходуном.

Он вышел из кабинета в приемную на ватных ногах. Его только что публично выпороли, назначили козлом отпущения за чужое пьянство, заставили работать в ночь... но в кармане его дешевого советского плаща уже лежал ключ от каптерки, где Кротов держал «закрома». И впервые за этот бесконечный день Андрей почувствовал не унижение, а липкий, холодный страх. Он понял, что только что шагнул за порог. И обратного пути нет.

Глава 2. Трибуна у гроба

Кладбище поселка Зареченского раскисло от октябрьской измороси. Глинистая жижа чавкала под тяжелыми ботинками рабочих завода «Прогресс», смешиваясь с желтыми листьями и запахом прелой хвои. Пахло водкой, сырой землей и неизбежностью. Хоронили начальника механического цеха Семена Игнатьевича. Он не сгорел от рака и не умер от инфаркта — он просто спился на боевом посту, уснув в бытовке с зажженной сигаретой, и теперь его красный, опухший лик лежал в дешевом полированном гробу.

Директор завода, Петр Аркадьевич, качался. Его пошатывало не от горя — они с покойным терпеть друг друга не могли, — а от «трех капель», принятых в директорском «пазике» для сугреву. Директор стоял у края могилы, сжимая в красной лапе граненый стакан, накрытый корочкой черного хлеба.

— Дорогие товарищи... — начал он, обводя мутным взглядом толпу. — Ушел от нас... это... наш боевой товарищ. Пример для молодежи. Мы, так сказать... — Он икнул, посмотрел на стакан в руке, потом на покойника, и понял, что забыл текст. — В общем, земля пухом.

Директор махнул рукой, едва не опрокинув стакан в грязь, и тяжело опустился на раскладной стульчик, заботливо подставленный Кротовым. Наступила неловкая, сырая тишина, в которой было слышно только, как ветер треплет брезент над ямой и как где-то вдалеке каркает ворона.

Андрей стоял в третьем ряду, пряча лицо в воротник старенького плаща. Ему было физически плохо. Запах разлагающейся плоти, который не могли перебить даже еловые ветки, смешанный с перегаром сотен людей, вызывал дурноту. Он смотрел на красные, задубевшие от холода лица рабочих. Они не скорбели. Они ждали. Ждали, когда можно будет выпить, не нарушая приличий.

— Кто-нибудь скажет? — просительно крикнул из-за спин парторг, маленький суетливый человечек. — Может, от молодежи? У нас же тут товарищ Савельев... технолог... молодой, растущий. Скажи слово, Андрей Николаевич. От лица, так сказать, преемственности.

Андрея словно толкнули в спину. Он не хотел. Он ненавидел эти фальшивые ритуалы. Но взгляды трех сотен человек сошлись на нем. Взгляд Кротова — тот вообще прилип к лицу, холодный, изучающий, как у энтомолога. Андрей шагнул вперед. Ноги вязли в грязи.

Он встал у изголовья гроба. Посмотрел на лицо Семена Игнатьевича. Вспомнил вчерашний акт о поломке. Вспомнил, как дядя Миша хотел залить спирт в редуктор.

— Мы привыкли терять, — начал Андрей, и собственный голос показался ему чужим, слишком звонким для этого кладбища. — Мы привыкли терять людей. Сначала мы теряем их в живых, когда они спиваются от безнадеги, от того, что станок старше, чем они сами, а план горит. А потом мы теряем их в земле.

Он сделал паузу. Рабочие, уже тянувшиеся к пазухам за чекушками, замерли. Директор на стульчике выпрямился.

— Семен Игнатьевич был винтиком. Как и мы все, — Андрей вдруг почувствовал странный, пьянящий кураж. Слова сами текли из него — гладкие, чугунные, правильные. Те самые слова, которые он читал в «Правде» и на плакатах в красном уголке. — Но винтик, товарищи, держит на себе всю машину. Наш «Прогресс» — это не просто станки. Это мы. И если мы позволяем себе ржаветь... если мы заливаем технический спирт в горло, вместо того чтобы смазывать им шестерни... мы предаем не только план. Мы предаем страну.

Он говорил о «несгибаемости», о «трудовом подвиге», о «поколении созидателей». Он говорил языком райкома партии, но вкладывал в него такую холодную, звенящую сталь, что толпа начала ежиться. Он не скорбел. Он обвинял. Он бил их по лицам этими идеологически выверенными фразами, и им это нравилось. Потому что в его словах не было сопливой жало-

сти к мертвому пьянице, была суровая, мужская правда, за которую можно было спрятать собственную слабость.

— ...И пока мы стоим здесь, в грязи, враги не дремлют! — закончил он, рубанув воздух рукой. — Наше дело — правое. Мы не имеем права на слабость.

Тишина лопнула. Кто-то из старых мастеров, утирая слезу грязным кулаком, выдохнул: «Хорошо сказал, сынок... дельно».

Директор, забыв про качание, подошел к Андрею и сгреб его в объятия. От Петра Аркадьевича несло луком и дешевым коньяком.

— Молодец, Савельев, — просипел директор в ухо. — Вот это я понимаю — смена растет. Железобетонный ты парень. Будешь начальником сектора. С завтрашнего дня. Хватит тебе в технологах бегать.

Когда толпа начала расходиться, грязь чавкала уже под десятками ног. Кротов подошел к Андрею, вытирая испачканные брючины носовым платком. Он больше не улыбался. Его лицо было серьезным и почти торжественным.

— Сильно, Андрей Николаевич, — протянул он. — Очень сильно. Партком уже звонил Петру Аркадьевичу. Требуют текст речи для стенгазеты. Вы теперь публичное лицо.

Кротов оглянулся по сторонам, словно школьник, прячущий сигарету. Из внутреннего кармана своего импортного пальто он достал сверток плотной бумаги.

— Это вам. Неудобно как-то... начальник сектора, а ходите, как студент. Холодно ведь.

Он развернул бумагу. Внутри лежала куртка. Коричневая, мягкая, с яркой оранжевой подкладкой. На левом рукаве, чуть выше локтя, поблескивал маленький кожаный шеврон — голова дикой кошки. «MadeinItaly».

Андрей смотрел на куртку, потом на лицо Кротова. Он вдруг с абсолютной, леденящей ясностью понял: это не подарок. Это аванс.

Кротов не был добрым дядюшкой. Кротов был банком. И сейчас он выдал Андрею первый кредит под очень высокий процент.

— Спасибо, Валентин Эдуардович, — деревянным голосом сказал Андрей, принимая куртку. Ткань была теплой и чужой. — Я... я всё верну.

— Вернете, Андрей Николаевич, — мягко улыбнулся Кротов, застегивая пуговицы на своем пальто. — Обязательно вернете. С процентами. Идите в машину, вы же теперь начальство. Не пристало вам с работягами в автобусе трястись.

Андрей надел куртку прямо поверх мокрого плаща. Она села идеально, словно шилась на него. В ней было тепло. В ней пахло кожей, свободой и чужой, красивой жизнью. Андрей глубоко вдохнул этот запах, пытаясь задавить поднимающуюся изнутри волну липкого, животного ужаса. Он только что продал душу, и ему за это заплатили курткой. И, что самое страшное, часть его — та самая, что только что пламенно обличала пьянство с трибуны — была этим фактом почти удовлетворена.

Глава 3. Собрание в красном уголке

Обшарпанный зал поселкового клуба «Красный уголек» вонял мастикой, нестиранными телогрейками и застарелой обидой. На сцене, под пыльным бархатным знаменем с выцветшим профилем Ильича, стоял длинный стол, накрытый кумачом. За ним сидели тяжеловесы Зареченского: директор завода, главный бухгалтер, начальник почты и, конечно, Валентин Эдуардович Кротов, который выглядел здесь инородным телом в своем твидовом пиджаке, как английский лорд на сельской ярмарке.

Андрей стоял за фанерной трибуной. В руках он сжимал отпечатанные в заводской типографии листовки. Текст был сухим, канцелярским и оттого казался Андрею верхом гражданского мужества: «Наведение порядка в сфере распределения ресурсов. Прекращение нелегального производства спиртосодержащих жидкостей. Строгий учет муниципальной собственности».

На языке поселковых это означало: закрыть точку бабы Нюры на Выселках, где гнали паленку из ворованной совхозной свеклы, и прижать «Боцмана» с его бригадой, собиравших дань с местных ларечников.

— Вопросы к кандидату есть? — проскрипел из-за стола председатель избирательной комиссии, не отрывая взгляда от кроссворда.

Толпа, набившаяся в зал — в основном женщины в платках и мужики, зашедшие погреться, — молчала. Им было всё равно. Кто бы ни сел в это кресло, самогон у бабы Нюры дешевле, а «Боцман» хотя бы порядок знает, не то что эти чистоплюи с завода.

Вдруг с заднего ряда, где сгрудились курильщики, поднялся участковый Петров. Игорь Сергеевич сегодня был при параде: китель расстегнут, на портупее висит кобура, от самого Петрова несет псиной и дешевым табаком. Он не смотрел на Андрея, он смотрел на Кротова.

— Программа у вас, товарищ Савельев, конечно, интересная, — голос Петрова, привыкший командовать алкашам «пройдемте», гремел под потолком. — Про ресурсы вы складно поете. А вот про бумагу вы, наверное, забыли уточнить.

Петров театральным жестом поднял над головой одну из листовок Андрея.

— Это что? — он поднес бумагу к самому носу Андрея. — Это, извиняюсь, типографская бумага? Плотность восемьдесят грамм? С водяным знаком в виде шестеренки?

В зале зашушукались. Директор завода на сцене медленно, как айсберг, начал багроветь.

— Это бумага формата А4, — растерянно ответил Андрей. — Из типографии. По безналичному расчету, согласно заявке предвыборного штаба...

— Согласно заявке! — передразнил Петров, поворачиваясь к залу. — А то, что эта бумага — социалистическая собственность, это как? Товарищи! Кандидат в депутаты, борец за справедливость, ворует бумагу с завода! Он на чем свои рапорты пишет? На моем горбу? Это статья, между прочим. Хищение в мелких размерах. До двух лет.

Андрей почувствовал, как ледяная игла вошла под ребра. Он посмотрел на Кротова. Тот сидел с каменным лицом, медленно вращая на пальце обручальное кольцо. Он не смотрел на Петрова. Он смотрел на директора завода. Андрей понял: это не самодеятельность мента. Это сговор. Петров бьет по самому больному — по заводскому имуществу. Если сейчас директор даст делу ход, Андрею не то что в депутаты — ему в цеху бригадиром не быть. Его посадят.

— Да какая ж это статья, Игорь Сергеевич! — вдруг подал голос Кротов. Он встал. Медленно, с хрустом расправляя плечи. — Это, извините, политическая близорукость.

Кротов вышел из-за стола и спустился в зал. Он подошел к Петрову. Ростом участковый был выше, но сейчас он казался меньше — Кротов давил его одним своим присутствием.

— Бумага, Игорь Сергеевич, — вкрадчиво, почти шепотом, но так, что слышал весь зал, произнес Кротов, — это средство агитации. А агитация у нас по закону оплачивается из фонда.

Фонд открыт. Счета есть. Если у товарища Петрова есть вопросы к бухгалтерии — пусть пишет запрос. А срывать собрание из-за пачки «Эры»... — Кротов брезгливо посмотрел на листовку, — это, знаете ли, дискредитация органов внутренних дел.

Петров открыл рот, чтобы рявкнуть, но наткнулся на взгляд Кротова. Взгляд был пустой, как выключенный телевизор. Участковый осекся, побагровел еще сильнее, чем директор, и тяжело опустился на скамью.

— Продолжайте, Андрей Николаевич, — мягко сказал Кротов, возвращаясь на сцену и садясь на место. Он улыбался, но глаза его оставались холодными. — Мы вас внимательно слушаем.

Андрей сглотнул комок в горле. Он закончил выступление скомканно.

Выборы он выиграл. В Зареченском было всего триста избирателей, и административный ресурс в лице Кротова, который «уладил вопрос» с типографией и бухгалтерией, сделал свое дело.

Через неделю, в кабинете Андрея в здании поселковой администрации, пахнущем мышиным пометом и мастикой, сидел Кротов. Он положил на стол перед Андреем свежий номер поселковой газеты «Вперед» с портретом нового депутата.

— Поздравляю, Андрей Николаевич, — Кротов сцепил пальцы в замок. — Вы теперь власть. Народный избранник.

— Я ваш должник, Валентин Эдуардович, — хрипло сказал Андрей. — За типографию. И за Петрова. Он теперь на каждом углу орет, что я вор.

— Бросьте, — Кротов махнул рукой. — Петров — собака лает, ветер носит. Он просто почувствовал, что вы — человек негибкий. А система, Андрюша, она гибкости требует. Вы хотели порядка? Давайте наводить. У меня на складах скопились излишки. Импорт. Сапоги женские, финская сантехника. Реализовать через государственную сеть нельзя — фондирование не то. А вот через кооперацию... У вас же теперь мандат. Вы можете инициировать создание малого предприятия при думе. Для нужд благоустройства. Поставим туда ларек...

Андрей смотрел на холеное лицо Кротова. Он вдруг с ужасом осознал, что только что купил свою первую должность ценой сделки с дьяволом. Он шел во власть, чтобы бороться с такими, как Кротов. А теперь он — крыша Кротова.

— Хорошо, — чужим голосом произнес Андрей. — Давайте бумаги. Будем создавать предприятие.

Кротов удовлетворенно кивнул и поднялся.

— И да, Андрей Николаевич, — он остановился в дверях. — Насчет бумаги. В типографии лимиты на этот квартал для завода обрезали. Вы уж поаккуратнее с листовками. Используйте тетрадные. Они дешевле.

Дверь закрылась. Андрей остался один. Он посмотрел на свой мандат, лежащий на столе. Плотный картон пах типографской краской и гнилью.

Глава 4. Председатель

Ноябрь в Зареченском слизал остатки осени за три дня. С неба, низкого и плоского, как лист оцинкованного железа, сыпала не то крупа, не то ледяная пыль. Ветер, прилетевший с промзоны, гнал по улицам сухую поземку, которая с остервенением вгрызалась в некрашеные дощатые заборы. День был коротким, серым и пах озоном, мокрой шерстью и безысходностью. К четырем часам пополудни в поселке уже зажглись редкие желтые фонари, похожие на больных желтухой светлячков.

В кабинете председателя поселковой думы пахло казенной тоской. Дешевая полированная мебель, оставшаяся от предшественника, пузырилась от влаги. В графине на подоконнике стыла вода мутного, больничного цвета. Андрей Николаевич Савельев, теперь уже полноправный хозяин этого кабинета, сидел за столом, заваленным папками с надписью «Для служебного пользования», и чувствовал себя самозванцем.

Он пытался работать официально. По-советски. По тем самым инструкциям, в которые всё еще верил.

— Лидия Павловна, — позвал он секретаршу, не отрывая взгляда от сметы на ремонт дороги по улице Лесной. — Пригласите ко мне главного бухгалтера. И директора жилконторы. Я хочу видеть первичные документы по закупке асфальта.

Лидия Павловна, женщина с химической завивкой, пахнущая котлетами и «Красной Москвой», заглянула в кабинет. В ее взгляде читалась смесь почтения и легкой жалости, с какой смотрят на умалишенных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.